

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМОВ, РЕКТОРАТА ПЕРМСКОГО ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Газета выходит
с 1948 г.

№ 8 (1454)

ВТОРНИК

20

МАРТА

1990 г.

Цена 1 коп.

Надо ли верить в идею коммунизма?

Как быть с идеей коммунизма? Таким вопросом задается в своей статье Т. Девяткова («ПУ» от 21.11.89), касаясь целого комплекса достаточно сложных проблем, появившихся в результате слабой теоретической проработки концепции нового общества. Думается, что можно согласиться с автором в оценке его положения партии в сегодняшнем советском обществе как «архикритического». Но для ответа на вынесенный в заголовок вопрос, на мой взгляд, следовало бы разобраться более основательно с определенными тезисами статьи.

Итак, «для чего нужна партия» как политическая организация? В любом обществе, не исключая и то, что провозгласило своей целью построение коммунизма, у конкретных субъектов, то есть отдельных индивидуумов, социальных групп и классов, существуют вполне определенные интересы, детерминированные в первую очередь их классовой принадлежностью. Стремление наиболее эффективно реализовать эти интересы, предельно отчетливо осознаваемое авангардом соответствующего класса, заставляет его создавать политическую организацию, цель которой — создание такого общественного устройства, когда реализация интересов данного класса достигается с максимальной вероятностью и в наиболее приемлемых условиях. Социально однородных обществ в истории (не беру во внимание первобытное) пока не существовало, в них всегда присутствовали те или иные социальные группы. Интересы их могли быть различными, но вне зависимости от того складывалась ситуация, когда «каждая социальная группа вправе иметь свою партию для защиты своих специфических интересов».

На практике же объективно складывалась ситуация, когда «партии», защищавшие «специфические интересы» не господствующего класса более или менее демократичным способом, ставились в такие условия, когда они либо начинали защищать «специфические интересы» господствующего класса, либо прекращали свое фактическое существование.

Далее. Каковы «специфические интересы» пролетариата, причем не всего, а лишь его передовой части? Они заключаются в том, что отстаивая свои классовые интересы, этот класс отстаивает общечеловеческие ценности. Возникает как «класс в себе», становясь по мере своего развития «классом для себя», в качестве конечной цели пролетариат ставит достижение положения «класса для всех», стремясь впервые в истории создать социально однородное общество. С этой точки зрения, Коммунистическая партия, выражающая интересы передовых слоев пролетариата, «ставит целью достижение такого уровня развития общества, при котором обеспечивается духовный расцвет, материальное благосостояние, социальная защищенность каждой личности», и, безусловно, такая партия «может и должна быть единственной». Кроме того, однопартийная система в нашей стране сложилась исторически: советским государством не преследовалась ни одна из партий, выражавших «специфические интересы» других социальных групп, исключая те случаи, когда эти партии противоборствовали воплощению в жизнь общечеловеческих ценностей. Возглавив народные массы в ок-

тябре 1917-го, большевистская партия возглавила прогресс общества. Способствовало тому наличие у партии строго научной, подлинно революционной теории.

Могут вместе с автором статьи разделить сожаление по поводу того, что «плюрализм мнений... является способом обоснования невозможности достижения «истин в последней инстанции». Но не «пока», а в принципе невозможно на основе данной философской позиции проверить истинность той или иной теории. Сама идея верификации любого знания утрачивает всякий смысл, если исходить из признания не одного, а множества видов и форм знания.

Кстати, прорыв к созданию социалистического общества партия смогла совершить, имея в качестве программного учения пролетариата марксистскую философию, «краеугольным камнем» которой является признание монистического начала. Практика отхода от него сегодня, замена его «социалистическим плюрализмом» и ставит коммунистов в такую ситуацию, что «говорить вслух об идеалах коммунизма становится неуместно и неприлично, хотя сами и впрямь будем верны идеалам коммунизма». Почему это происходит?

Охотно присоединюсь к точке зрения автора, что «сначала была создана теория — марксизм, а уже затем ленинская партия... КПСС, как и любая коммунистическая партия, как «партия единомышленников, вооруженная этой (марксистской — Н. М.) теорией (не догмой, но теорией, в принципе не могла существовать иначе, как некая абстракция, как идеал, к которому следовало стремиться и приближаться по мере возможности. В практике было несколько иначе. Если В. И. Ленин уже в 1901 году в своей книге «Что делать?» признавал, что «широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым понижением его теоретического уровня. К движению... примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе неподготовленных теоретически», и если не существует никаких утверждений о прекращении данного процесса в дальнейшем, то можно сделать вывод, что к моменту революции партия была уже организацией единоверцев. Да и вообще возможно ли овладеть какой-либо теорией без догматизации? Ведь вторичность знания уже сама по себе является объективной основой догматизации. Другое дело, что «тонкий слой» действительно хорошо владел марксистской теорией, внося в нее элемент догматизации в незначительной мере.

Но вернемся к «специфическим интересам». Как обстоит с ними дело сегодня? Ранее отмечалось, что социальная структура любого общества неоднородна, хотя и классов в том виде, как они существовали до революции, сегодня также не существует. Но также очевидно и то, что социальная и социально-классовая структуры нашего общества не совпадают.

На наш взгляд, при изменении социального статуса индивида он в течение как минимум двух последующих поколений сохраняет определенные социально-классовые черты. Речь идет о так называемой классовой остаточности. Сегодня, когда в нашем обществе формируются новые социальные структуры, она обеспечивает декларирование

под видом перестроечных таких интересов (весьма «специфических», которые на деле не имеют ничего общего с идеей совершенствования нашего общества. Классовая остаточность не фигурирует ни в одном из партийных документов, нет упоминания о ней и в статье Т. Девятковой.

Если бы социализм и наше общество развивались без жесточайшего идейного, экономического и политического прессинга, то классовая остаточность, безусловно, не оказывала бы заметного воздействия и о ней не стоило бы вести речь. Но ведь именно ею порождаются «специфические интересы», целую гамму которых можно было наблюдать на Съезде народных депутатов и на сессии Верховного Совета СССР. Подчеркну, речь идет о дне сегодняшнем.

А сразу после революции? Классовая остаточность проявлялась тогда ярчайшим образом. Когда тот самый «тонкий слой» был отчасти уничтожен гражданской войной, а в основном «размыт» молодым партийным пополнением, тогда по мере своего служебного и партийного роста этот партийный контингент, объективно не имея возможности воспринять марксизм как строго научное учение, воспринял его как набор постулатов, схем, как догму, на неосознанно-религиозной основе, полностью «выхолащивая живую душу марксизма». Нельзя сказать, что люди не имели твердых убеждений; убеждения имелись, но в их основе лежало не научное знание, а вера, суть религиозное чувство. В такой ситуации способность к творческому разрешению проблем и противоречий, встававших в ходе практической деятельности, у них отсутствовала; при решении практических задач они с неизбежностью приходили к субъективистского характера ошибкам и волюнтаристским решениям, а на почве всего этого сам марксизм стал рассматриваться как зловредная догма, от которой следовало как можно скорее избавиться. И тогда «теоретические шатания, которых было слишком много за весь послеленинский период и которые продолжались и сейчас, несомненно, привели многих коммунистов в растерянность, недоумение, что не позволяет говорить об идейной сплоченности». Но случившееся в этой ситуации — закономерно.

Проблема заключается в том, что теория Маркса, будучи «путеводной нитью» в решении вопросов общественного развития, революционной теорией «с научно обоснованным, органически целостным представлением о развитии социалистического общества», сама требует дальнейшего развития, но не пересмотра и не искажения под флагом развития. **УБЕЖДЕНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ВЕРЕ, А НЕ НА ЗНАНИЯХ, НЕ МОГУТ БЫТЬ ОСНОВОЙ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.**

Поэтому, на наш взгляд, чтобы «вместе с водой не выплеснуть и ребенка», необходимо прекратить в коммунизме, в партию, в идею ВЕРИТЬ. Необходимо заняться самостоятельным — не через призму взглядов очередного Генерального секретаря — творческим изучением марксизма.

Н. МОРОЗОВ,
студент истфака.

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Новый состав головной группы народного контроля ждет ваших вопросов, заявлений и предложений в главном корпусе, на 2 этаже (рядом с профкомом сотрудников).

Председатель Елохов Александр Михайлович	среда 13.00—15.00
Сектор научно-исследовательской работы	вторник 15.00—17.00
Сектор административно-хозяйственной деятельности	четверг 14.00—15.00
Сектор учебно-методической работы	вторник 15.00—16.00
Сектор режима экономики и сохранности социалистической собственности	понедельник 16.00—17.00
Сектор жалоб и заявлений	четверг 11.20—12.20
Сектор оргработы и информации	пятница 13.00—14.00
	1-я, 3-я неделя месяца
	понедельник 16.00—17.00

Воспоминание о весне

Когда суровые страницы
Огромных, толстых, скучных книг,
Мудрейших истин вереницы
В обложки скрют желтый лик,
Когда профессорские стекла
У несгораемых очков,
Блеснув, последний раз,
поблекнут,

Скрывая жадный бег зрачков.

Я выйду из аудиторий,
Посыпан пылью теорем,
Из недоказанных теорий
И утвердившихся систем.

Я вырвусь из руин марксизма,
Из-под портретов мудрых глаз
И в ледяной огонь цинизма
Весеннего уйду от вас.
И, обогнув ужасный глобус,
На волю вывалюсь совсем.
Войду в приземистый автобус
С кровавой цифрой «37».

...Привет тебе, Центральный рынок,—

Колониальный щедрый край,
Свежеукраденных ботинок
И голубиных свадеб рай,
Сугробов скопище осевших,
По-городскому злых селян,
Цыган, по-русски отупевших,
И оцыганенных славян.

От зимней белизны развенчан,
Умылся грязью тротуар.
Оттаявшие орды женщин
Меня сметают. Солнце. Пар.
Весенней музыкою сытый,
Томлюсь, но странною тоской:
Задавленной, полуубитой,
Почти излеченной, забытой,
Слашава-пагубной такой.
И все же чуден этот город,
Набитый шумными людьми,
Сующий мне от шубы ворот,
Стенающий: «Купи...», «Возьми...»,
Теперь, когда угрюмо тонут
Прохожих ноги в мостовой,
И поезда призывно стонут,
Пригревшись на Перми 2-й...

Василий ЗЛОДЕЕВ.

Нельзя врать женщине!
По-моему, нельзя.
Готовности предать нет в жизни злее хода.
Она и так верна тебе до гроба.
Ее любви отливы не грозят.
Ее любви зовущие глаза,
Ее глаза зовущие печали,
Тебя и так порядочно прощали,
Как в песнях говорит Лоза.
Нельзя врать женщине!
Ведь ложь твоих речей
Способна отравить ее существование.
Она позволит лишнее свиданье,
Но без горящих в сумраке свечей.
И ты погиб, За каждым шагом взгляд,
За каждым деревом зовущая пучина.
Никто не скажет, где твоя кончина.
Пред женщиной творцы не устоят.
Нельзя врать женщине!
Будь то твоя жена, любовница,
Случайная ль девица,
Взгляни на их потерянные лица,
Им ложь твоя уж верно не нужна.
Ей ложь твоя не сладостей княжала,
Ей слово тень надежды подает,
Но если не исполнится — умрет,
Хотя свое еще не отрыдала.

Андрей САМЫГИН.

С 24 марта по 3 апреля у нас в гостях ленинградская лаборатория «До-театр», рок группа «Джувгли» и художник Вячеслав Алферов. Концерты состоятся в ДКС ПГУ. Вилеты продаются.

С 27 марта по 1 апреля в Перми будет проходить II фестиваль любительских театров. В день открытия в ПКЮ им. Горького в 19.00 вы сможете стать участниками маскарада и поглазеть на фейерверк.

Если вы хотите научиться проводить интересные вечера отдыха, дискотеки, быть ведущими концертных и конкурсных программ, приходите к нам на ФОП в группу организаторов досуга в среду в 18.30, ауд. 70, корп. 5.

ДИСКУССИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Поздравляем Ивана Ивановича ЛАПКИНА, доктора химических наук, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, профессора и постоянного автора нашей многотиражной газеты с 60-летним юбилеем научной и педагогической деятельности в Пермском университете!

16 февраля 1930 года впервые переступил порог нашего университета Иван Иванович Лапкин, воспитанник Казанского университета, ученик академика А. Е. Арбузова.

Окончив в 1928 году это высшее учебное заведение, он полтора года работал в Грозненском научно-исследовательском нефтяном институте. За этот короткий промежуток времени им совместно с А. И. Доладугиным выполнена большая работа по изучению состава попутных нефтяных и естественных газов Советского Союза.

Затем, в связи с открытием чусовской нефти, он был приглашен в Пермский университет с заданием организовать при кафедре органической химии пирогенетическое отделение. Эту большую и в то время сложную работу он удачно выполнил. Была закуплена в г. Грозном вся необходимая аппаратура, реактивы, а также полные комплекты нефтяных журналов. Но воспользоваться всем этим ему не пришлось, так как Пермский университет, как и другие университеты страны, был в 1930 г. реорганизован. На базе нашего университета были созданы пять институтов. Вскоре, однако, университет был снова открыт, и И. И. Лапкин продолжал работать в нем на той же кафедре органической химии, но уже в области чисто научных исследований, а именно в химии элементоорганических соединений и их химических превращений.

Много, очень много сделано Иваном Ивановичем за длительный, 60-летний период вместе со сплотившимся вокруг него очень дружным и талантливым коллективом сотрудников (Н. А. Каравановым, М. Н. Рыбаковой, Ю. П. Дормидонтовым, В. А. Думлер, И. С. Рогожниковой, Р. Г. Мухиной). Вместе с ними названное научное направление развивалось по четырем самостоятельным областям, охватывающим элементы второй (бериллий, магний и цинк) органические соединения), третьей (комплексные соединения бора), четвертой (органические соединения кремния, германия и олова) и наконец шестой (соединения серы и селена) групп периодической системы элементов. На материале этих исследований защищены кандидатские диссертации 56 человек. В центральных химических журналах и в специальных сборниках напечатано свыше 1000 статей, а также получено более 200 авторских свидетельств. Подготовлены четыре монографии, две из них находятся в печати.

Учитывая успехи кафедры органической химии в области химии элементоорганических соединений, Академия наук СССР в 1983 году на базе этой кафедры и совместно с ней

организовала Всесоюзное совещание по металлоорганическим соединениям, которое прошло очень успешно.

За 60 лет работы в ПГУ профессором И. И. Лапкиным читаны многие общие и специальные курсы: органической химии, стереохимии, органического анализа, методов определения структуры, химии углеводов, химической технологии и химии красителей. Им впервые в Пермском университете поставлены большие практикумы по анализу органических соединений и методам определения функциональных групп.

Многие годы И. И. Лапкин был председателем ученого совета по присуждению ученых степеней. Да мало ли чем он занимался: он, например, был постоянным редактором специальных сборников научных трудов по органической химии, он создал журнал «Труды уральских университетов» и редактировал его.

Он организовал лабораторию по изучению элементоорганических соединений, которая входит в состав Естественнонаучного института и которой он руководил в течение 30 лет. Некоторые из его бывших учеников, работающие в этой лаборатории, близки к завершению докторских диссертаций (В. В. Щепин, А. Н. Недугов).

25 лет Иван Иванович отдал административной работе — 16 лет работал деканом химического факультета, 9 лет — проректором по научной работе. 10 лет он был членом Пермского обкома КПСС.

Это действительно большая, творчески прожитая жизнь.

Сейчас И. И. Лапкину 87 лет, обладая хорошим здоровьем, он работает наравне с молодыми, а имея к тому же большой опыт и знания, ставит такие нужные в настоящее время — время перестройки — вопросы, как, например, необходимость полной перестройки учебного процесса в университете.

Прошлым летом он предпринял поездку на свою родину. В невероятный таурический зной, на солнцепеке он трудился, приводя в порядок могилы родителей. На наш вопрос: «Не боялись ли Вы этой тяжелой поездки?» ответил: «Нет, я проверил себя в смысле здоровья; ничего, все сошло прекрасно!»

Пожелаем же доктору химических наук, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР профессору Ивану Ивановичу Лапкину еще многих лет жизни и успехов в его творческой работе!

М. И. БЕЛОНОВИЧ,
доцент кафедры органической химии.

Встречи с Маяковским ОБ ИСТИННЫХ ПРИЧИНАХ ЕГО РАННЕЙ СМЕРТИ

Близится 60-летие со дня смерти В. В. Маяковского, названного после его смерти «Лучшим поэтом атакующего класса».

Я трижды видел Маяковского: два раза видел и слышал, третий раз видел, но не слышал — он был мертв.

Первый раз я присутствовал на его выступлении в Казани в 1927 году, когда был студентом IV курса Казанского университета. В один из дней января этого года по самому быстрому, самому совершенному студенческому «радио» мы узнали, что сегодня вечером в актовом зале университета будет выступать Маяковский, и что самое главное — вход без билетов, и к тому же бесплатный. Я и мои товарищи решили прийти пораньше, чтобы успеть занять места, но мы опоздали: огромный актовый зал был переполнен. Нам кое-как удалось пробиться вперед и усесться перед трибуной на полу. В точно назначенное время из двери, находящейся за трибуной, вышел Маяковский — высокий, стройный, с широким, размашистым шагом — такой, каким мы его себе представляли. Увидев переполненный зал, он удовлетворенно хмыкнул, прошелся два раза по сцене, улыбаясь, затем резко остановился:

«150 000 000 мастера этой поэмы имя.

Пуля — ритм,

Рифма — огонь из здания в здание...»

Голос поэта крепчал, становился могучим, весь он как-то преобразился.

Прекрасно читал свои стихи Маяковский. В зале, несмотря на очень большое число слушателей, стояла прямо-таки космическая тишина, а со сцены несся его могучий бас:

«В этом самом году,

В этот день и час...»

В то время — двадцатые годы нашего столетия — сторонников творчества Маяковского было очень мало. Непривычной была его поэзия. А в то же время — в те же двадцатые годы — бы-

ло очень много прекрасных поэтов, таких как Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Александр Блок, Сергей Есенин. Их стихи были столь совершенны, столь музыкальны, что когда читаешь, то чувствуешь, что оторваться от чтения нет сил. Публика, естественно, любила их, да и не любить их нельзя. Сторонников поэзии Маяковского в эти годы, надо прямо сказать, было очень мало. Я тоже был далеко не любителем творчества этого поэта. Несколькими раз начинал читать его стихи, но быстро бросал. Я стал любить его стихи после того, как послушал выступление его самого. Читал он прекрасно. В его поэзии все было: и образ, и рифма, и, кроме того, мастерство чтеца. Его красивый и в то же время могучий голос, его большая фигура — все это привлекало к себе внимание.

Читал он свои стихи без всяких записей, наизусть, хотя для этого ему приходилось их заучивать. Читал Маяковский на казанской встрече со студентами много и охотно. Слушали его тоже охотно и с большим вниманием. Маяковский имел прекрасный дар заставить себя слушать.

Я часто потом слушал выступления чтецов-декламаторов, которые читали стихи Маяковского, подражая ему, очень неплохо, но все-таки так читать, как читал свои стихи Маяковский, никому не удавалось. Неудивительно поэтому, что после каждого выступления Маяковского сторонников его поэзии становилось все больше и больше.

После чтения своих стихов Маяковский, как обычно, отвечал на вопросы присутствующих. Этих вопросов было очень много, все они были очень колкие, ядовитые. Многие сохранились в моей памяти.

Помню, одним из присутствующих был задан такой вопрос: «Профессор-лингвист (такой-то) сказал, что поэзия Маяковского — это один из видов сумасшествия. Как Вы относитесь к тако-

му мнению о Вашем творчестве?»

Ответ: «Да, поел я печенку у этих профессоров. Ведь они привыкли к такой поэзии:

«По небу в полночи ангел летал
И тихую песню он пел...»

Как видите, эта рифма так и вязнет на ушах. В моей поэзии есть, конечно, рифма, но она совсем другого характера — рифма динамическая».

Вопрос: «Вы часто выступали перед слушателями в разрисованной жилетке и вообще в весьма забавной одежде. Почему же сегодня Вы выступаете в обычном костюме?»

Ответ: «В разрисованных жилетках я выступал в ресторанах, перед журущей, пьющей непьющей публикой, которую я не уважал и даже ненавидел. Это было своего рода протестом, подчеркнутой неприязнью к ним. Они сидели, я стоял. Зачем же мне было надевать эти жилетки, идя к Вам, которых я глубоко уважаю и которые, я в этом уверен, поймут и примут мою поэзию. Здесь, в этом зале, получилось наоборот: я могу сесть, а вот вы, заполнившие все проходы, сделать этого не сможете. Так почему же мне выступать в необычном костюме?»

Вопрос: «Каков режим Вашего рабочего дня?»

Ответ: «Режим обычный: работаю, отдыхаю, вечерами очень часто выступаю перед аудиторией любителей поэзии. Много времени уделяю заучиванию стихотворений. Я считаю, что поэт должен наизусть знать свои стихи и поэмы, а не читать их, пользуясь печатным текстом. В этом случае мы не вправе будем желать или требовать, чтобы наши читатели знали стихи наизусть, а их знать можно только так».

Проводили мы Маяковского бурными аплодисментами. Успех его выступления был полным.

Второй раз я видел Маяковского в Ялте в 1929 году. Я встре-

тил его на набережной, и еще издали узнал его высокую, твердо шагающую фигуру. Предполагая, что раз он здесь, то, следовательно, он будет и выступать, я позаботился о приобретении билета. Однако это выступление Маяковского не оставило того огромного впечатления, какое оставило его выступление в Казани. Публика была здесь разношерстная, любителей поэзии, по-видимому, было очень мало и вопросов почти не было. Читал он примерно те же свои вещи, какие читал в Казани, да и читал он без того подъема, без того вдохновения, с каким выступал перед студенческой аудиторией в Казани.

Третья, очень печальная встреча с Маяковским, состоялась в Москве 14 апреля 1930 года. Два дня тому назад, то есть 12 апреля 1930 года, Маяковский застрелился, а 14 апреля, в день похорон Маяковского, я был проездом в Москве, поэтому мне удалось в рядах траурной процессии пройти мимо гроба Маяковского, установленного, если не изменяет мне память, в зале Дома журналистов, а затем в такой же процессии — к месту захоронения.

Неожиданное, поразившее всех самоубийство Маяковского вызвало много толков, суждений, даже дискуссий. Высказывалось много всяких предположений, догадок о причинах смерти Маяковского.

Конечно, то, что писал сам Маяковский о причинах его самоубийства, — «Любовная лодка разбилась о быт» — никто не принимал всерьез. Это была маскировка. Такие бойцы, как Маяковский, от такой причины не кончают жизнь самоубийством. Здесь более серьезные, более трагические причины.

Многие, особенно не сторонники его поэзии, считают, что Маяковский исчерпал себя, что больше ничего значительного он не смог бы дать, что его поэзия, как река без притоков, все равно должна была исчезнуть в песках. Отсюда и причина его самоубийства.

Но это не так.

Мне кажется, что то мнение о причинах смерти этого большого поэта, которое я как-то высказал и с которым соглаша-

лись все присутствующие, единственно правильное. Поясню. Как-то Маяковский написал стихотворение довольно поучительное и, следовательно, обидное, направленное А. М. Горькому. В этом стихотворении Маяковский спрашивает, и довольно ядовито:

«Алексей Максимович,

Из-за Ваших стекол

Виден Вам еще

Парящий сокол?

Или с Вами начали

дружить

По саду ползущие

ужи?»

Это стихотворение обидело А. М. Горького и, конечно, не могло не обидеть. Эту обиду Горький не забыл и отомстил ему весьма ощутимо. За несколько дней до кончины Маяковского из печати вышла небольшая книга, вернее, брошюра Горького «В. И. Ленин». Я купил ее на Мясницкой в Москве в апреле 1930 года; она, как говорится, пахла еще типографской краской. В этой брошюре Горький приводит мнение Ленина о поэзии Маяковского. Всего четыре слова («Шумит, шумит, а поэзии никакой»). Конечно, Горький не должен был публиковать доверительно сказанное ему мнение Ленина, но Владимира Ильича уже не было в живых, и он, Горький, решил отомстить обидчику, и отомстил очень жестоко. Маяковский был этим поставлен в условия невозможности защищать свое творчество, потому что каждый мог задать ему вопрос — каково мнение Ленина о Вашей поэзии? Маяковскому оставалось или согласиться с этим мнением и признать неполноценность своего творчества, или не согласиться и атаковать Ленина, которого он любил и которому посвятил лучшие свои поэмы.

Да, это был удар ужасающей силы, который не выдержал даже Маяковский. Правда, после того как Маяковский был объявлен лучшим советским поэтом, это мнение Ленина было тщательно скрыто, оно не попало ни в одно из последующих изданий трудов Горького, но оно сделало свое дело. И тайна ухода из жизни Маяковского именно заключается в этих четырех словах.

И. И. ЛАПКИН.